

Уездный начальник оказался проворнее всех:

— Выданные деньги я обязательно верну!

Он прекрасно понимал: те двое — дядя Вэнь Жуна и Ван Дачжи — тоже не чисты перед законом. Дело затягивалось широко, и двух простых горожан всегда можно будет принести в жертву, чтобы загладить вину.

Такие меры он ещё мог себе позволить. А вот если бы он пошёл до конца и просто устранил Вэнь Жуна... разве не было бы проще?

«Бесполезная глина — не вылепишь из неё стены!» — с яростью подумал он о своём шурина.

Но, несмотря на бушевавшую внутри злобу, он оставался образцом чиновничьего хладнокровия: лицо его не дрогнуло, напротив — он стал ещё искреннее и почтительнее:

— Не волнуйтесь, господин цзюйжэнь! Я лично прослежу, чтобы виновные понесли наказание.

Под «виновными» он, конечно, подразумевал тех, кто продал Вэнь Жуна и участвовал в заговоре с Ван Цзюнем.

Хотя Ван Цзюня, служившего в армии, он уже не мог вернуть, зато его дядю Ван Дачжи и младшего дядю Вэнь Жуна — легко.

— Мм, — кивнул Вэнь Жунь, но при этом ничего не потребовал.

Именно в этом и заключалась высшая степень «требования»: не называть условий вслух. Иначе господин Чжан сочтёт его меркантильным и лишённым достоинства учёного.

Вэнь Жунь мог себе позволить ждать. А вот уездному начальнику медлить было некогда!

— Вот что я предлагаю, — торопливо заговорил тот. — Пусть он выплатит вам пятьсот лянов серебром и передаст вам свою лавку здесь, в уезде. Вы ведь понимаете: дело слишком громкое. Если оно всплывёт, пострадают оба. К тому же звание цзюйжэня вам уже возвращено. А я дополнительно подготовлю вам богатый подарок. Надеюсь, господин цзюйжэнь проявит великодушие!

Он почти унижался, кланяясь и извиняясь, — держался с невиданной смирностью.

Ведь речь шла о его карьере! Поэтому он вынужден был глотать гордость, хотя в душе уже проклинал своего шурина до седьмого колена.

Советник Мао смотрел на своего господина и чувствовал лишь горечь.

Если бы всё разрешилось в задних покоях — пусть даже тайно, пусть даже за взятку — это осталось бы семейным делом. Но теперь, в «Сюйшоу тан», при свидетелях, репутация уездного начальника была окончательно разрушена.

Именно поэтому советник Мао и хотел увести Вэнь Жуня в задние покои, а не разговаривать здесь, в официальном зале.

Увы, все его расчёты пошли прахом!

Из-за того, что супруга уездного начальника задержала их у храма Да Сянь, инспектор образования пришёл прямо в «Сюйшоу тан», и уездному начальнику пришлось явиться сюда самому. А его шурина?.. Да он просто «гнилая глина» — ни на что не годится!

— Я лично прослежу, чтобы вам вернули всё, что полагается цзюйжэню по закону, — вмешался господин Чжан, чётко обозначив свою позицию. — Даже если вы не попали на «Пир Лу Мин», вы — единственный цзюйжэнь этого уезда Юннин в нынешнем призыве.

Из тридцати с лишним сюйцаев, отправившихся на экзамены, прошёл только один.

— Благодарю вас, господин Сюэтай, — Вэнь Жунь склонился в почтительном поклоне.

Возвращение звания цзюйжэня уже само по себе было для него неожиданной удачей.

Уездный начальник снова не выдержал:

— Не беспокойтесь! Этот негодяй больше не ступит сюда — я отправлю его домой и не позволю ему здесь задерживаться!

На самом деле он привёз шурина сюда лишь потому, что не выдержал постоянных уговоров жены. А тот, едва приехав, сразу устроил скандал! Еле-еле уговорили его учиться, с трудом сдал экзамены на сюйца — и то лишь благодаря репетиторству самого уездного начальника. Без его помощи такой бездарью и мечтать не стоило о звании сюйца!

Вэнь Жунь с видимым неудовольствием кивнул:

— Хорошо.

— О, господин цзюйжэнь великодушен! — сердце уездного начальника наконец-то успокоилось.

Главное — чтобы Вэнь Жунь не стал настаивать на дальнейшем разбирательстве. Тогда у него ещё есть шанс спасти положение.

— Тогда уж постарайтесь хорошенько возместить убытки господину цзюйжэню! — добавил господин Чжан, инспектор образования.

Лицо уездного начальника стало ещё мрачнее:

— Обязательно, обязательно щедро компенсирую!

— А что значит «щедро»? — не унимался Чжан. — Серебро, лавка... А как же репутация? Честь учёного человека? Вэнь Жунь вынужден был вступить в брак — кто знает, не станет ли это преградой для его дальнейшей карьеры? Возможно, он так и останется цзюйжэнем на всю жизнь.

В этой эпохе система подготовки к экзаменам начиналась с трёх ступеней детских испытаний (тунши): уездных (сяньши), префектурных (фуши) и академических (юаньши). Основное внимание уделялось рассуждениям по государственным делам (цэлунь), дополненным устными ответами, проверкой знания классических текстов, цитированием отрывков и сочинением стихов. В отличие от жёстких рамок восьмигранной прозы (ба-гу) эпохи Цин, здесь было больше свободы — экзамены лучше отражали истинные способности кандидата.

Те, кто успешно проходил академические экзамены, становились «шэньюанями» (учениками-кандидатами) и направлялись учиться в префектурные, уездные или окружные школы.

Шэньюани делились на три категории: «линшэн» (стипендиаты, получавшие казённое содержание), «цзэншэн» (дополнительные кандидаты сверх штата) и «фушэн» (внештатные кандидаты, приписанные в конец списка).

Звание шэньюаня давало лишь право участвовать в императорских экзаменах. Чтобы стать чиновником, требовалось пройти трёхлетний цикл: сначала провинциальные экзамены (сянши), затем столичные (хуэйши) и, наконец, дворцовые (дяньши). Только став цзиньши (выпускником дворцовых экзаменов), человек получал право на государственную должность. Это был долгий и дорогостоящий путь, поэтому лишь богатые семьи могли позволить себе отправлять детей учиться. Обычным же крестьянам едва хватало средств на обучение одного ребёнка — не то что двух.

Именно поэтому Вэнь Жунь, обучая детей в Ляньхуаао, так быстро завоевал уважение местных жителей.

Сам Вэнь Жунь изначально был «линшэнем», а теперь стал цзюйжэнем с высоким рейтингом.

Если бы не эта подмена, он уже давно учился бы в префектурной академии!

А причина всей этой истории? Всё та же жажда славы и выгоды!

Ведь даже звание цзюйжэня уже считалось «официальным путём» (чжэнтун) в чиновничью карьеру. В отдалённых уездах цзюйжэни нередко назначались даже уездными начальниками. При наличии способностей к сорокалетнему возрасту можно было дослужиться до префекта. А дальше — всё зависело от судьбы и личных заслуг.

Шурин уездного начальника мечтал именно об этом — воспользоваться коротким путём. Он рассчитывал два года поучиться в префектурной академии, найти нужные связи и устроиться на должность где-нибудь в провинции. Даже если это будет самый глухой уезд — лишь бы стать уездным начальником, как его зять! Тогда сестра перестанет считать его бездарью и неудачником.

План был прекрасен. Жаль только, что всё пошло наперекосяк: Вэнь Жуня не удалось подменить незаметно — инспектор образования всё раскусил.

— Не волнуйтесь, господин Сюэтай! — уездный начальник стиснул зубы. — Я сделаю всё, чтобы господин цзюйжэнь Вэнь остался доволен! Говорите прямо, чего вы хотите!

Всё, что в его силах — он выполнит!

— Я хочу лишь одного, — спокойно сказал Вэнь Жунь. — Чтобы ни семья Вэнь, ни семья Ван впредь не беспокоили меня и не вмешивались в мою жизнь.

Он не боялся родни Вэнь: ведь он официально выдан замуж, а значит, уже не член их рода. Да и могилы родителей прежнего «я» находились под присмотром клана — как «внешний зять», он даже не имел права приходить на поминки.

А вот семья Ван вызывала у него ярость. Если не наказать этих негодяев, одних только их приставаний хватит, чтобы свести с ума!

Взрослый ещё вытерпит, но дети? Дети точно не выдержат!

— Разумеется! — уездный начальник с отвращением подумал о Вэнь и Ван. Если бы не их болтливость, его шурин и не замыслил бы такой подлости, и он сам не оказался бы в таком унижительном положении.

— Мм, — Вэнь Жунь снова замолчал.

Ситуация застопорилась.

Господину Чжану, напротив, нравилось поведение Вэнь Жуня. Он мысленно одобрял его: если

бы тот начал выдвигать требования или, того хуже, «кусать заоблачные цены», хоть и имел бы на это полное право, но утратил бы достоинство учёного.

Однако и чрезмерное упрямство тоже был бы ошибкой. Дело нельзя было раздувать — иначе втянется префект, а тот был однокашником господина Чжана. Друга подставлять нельзя!

Именно поэтому Чжан и предпочёл «загладить конфликт»: достаточно просто сменить уездного начальника, а не уничтожать его полностью.

Если бы дело дошло до смерти или скандала, наверху обязательно вмешались бы — а это никому не нужно.

Именно в этот момент из задних покоев пришла нянька с вопросом: как устраивать обед — подавать ли в задних покоях или идти в обеденный зал?

— Да, давайте сначала пообедаем! — поспешил вмешаться советник Мао, сглаживая неловкость. — Уже полдень!

— Хорошо, — согласился господин Чжан. Уездный начальник с облегчением выдохнул.

Что до Вэнь Жуна — хоть он и был пострадавшей стороной, для обоих чиновников он оставался лишь поводом для их политической игры, просто катализатором.

Шурин, сгорбившись, ушёл вслед за управляющим — никто даже не обратил внимания, куда именно.

Обед подавали в обеденном зале. Хотя зал был просторным, уездный начальник имел отдельную большую столовую — он никогда не ел вместе с другими, даже не пересекался с ними лицом к лицу.

На восьмигранном столе стояло восемь блюд и два больших кувшина вина, три бокала.

Тут были: тушёная рыба, тушёная свинина, отварной цыплёнок, утка в соусе, ассорти из овощей, тофу с зелёным луком, суп из куриных шкурок и креветочных фрикаделек, жареные побеги магнолии.

Отдельно — тарелка лепёшек с зелёным луком и тарелка изящных булочек-«серебряных нитей».

А также — две необычайно красивые служанки.

Одеты они были одинаково — в простые, но изящные платья пастельных тонов, перевязанные алыми поясами. У обеих — миндалевидные глаза, персиковые щёчки и тонкие, как тростинка, талии.

Было ясно: это сёстры-близнецы.

Их взгляды, полные кокетства и намёков, сразу выдавали — девушки явно не собирались просто подавать блюда.

Господин Чжан презрительно усмехнулся. Лицо уездного начальника покраснело от стыда.

Вэнь Жунь же оставался невозмутимым. Он опустил глаза, дождался, пока оба чиновника сядут, и только тогда занял своё место.

Он уже проголодался, но трогать палочки первым было нельзя — таковы были правила этикета.

Не мог начать и уездный начальник: за столом старшим и высшим по рангу был господин Чжан. Тот, не церемонясь, сразу взял палочки и взял кусок утки в соусе:

— Давно не пробовал такой утки!

— Да, кажется, это блюдо из вашего родного края, господин Сюэтай? — поспешил уездный начальник. — Попробуйте, похоже ли на то, что варили дома?

Вэнь Жунь всё понял: супруга уездного начальника действительно постаралась.

Не только приготовила редкую здесь утку в соусе, но и прислала двух красавиц-служанок, чьи намерения были прозрачны, как вода.

Желание угодить бросалось в глаза!

Одна служанка встала рядом с уездным начальником, другая — возле господина Чжана.

А Вэнь Жуню не досталось ни одной — и даже не взглянули в его сторону, будто его и не было за столом.

Что ж, ему и не хотелось иметь дела с этими кокетками с сомнительными намерениями. Он спокойно взял палочки и первым делом наколот себе тофу с зелёным луком.

Уездный начальник снова нахмурился.

Служанки тем временем разливали вино и чай, то и дело «случайно» прикасаясь к рукавам господ.

Их пальцы были покрыты ярко-алым лаком — зрелище завораживающее и соблазнительное.

— Позвольте поднять тост за господина инспектора образования Чжан! — с трудом выдавил уездный начальник, чувствуя себя так, будто его ударили, но он обязан улыбаться. — Вы проделали огромную работу!

— Ничего особенного, — сухо ответил господин Чжан, выпив вино с фальшивой улыбкой.

Вэнь Жунь тоже сделал глоток. Вино оказалось мягким, слабоалкогольным — пить можно, лишь бы не переборщить.

— А, это знаменитое «Персиковое вино»? — сразу узнал напиток господин Чжан.

— Да, оно совсем не пьянящее, — пояснил уездный начальник. — Ведь господин цзюйжэнь, кажется, не очень держит вино.

На самом деле он боялся, что если гости опьянеют, переговоры сорвутся.

«Персиковое вино» было скорее фруктовым — даже целый кувшин не свалил бы с ног. Идеально для учёных, не привыкших к крепким напиткам.

«В будущем буду пить только такое», — подумал про себя Вэнь Жунь.

Он сделал ещё глоток, затем принялся за еду. Голод давал о себе знать. Вторыми палочками он взял кусок тушёной свинины — мясо было жирное, но не приторное, таяло во рту.

Третий укус — брюшко рыбы, самое нежное место, почти без костей.

Вкусно!.. Он полностью погрузился в трапезу.

Чиновники между тем несколько раз чокнулись, а Вэнь Жунь тем временем взял две лепёшки с луком — от одних блюд сыт не будешь, надо и основное есть!

Все блюда были довольно жирными, но, к счастью, не приторно-маслянистыми. Вэнь Жунь налил себе миску супа и, как и прежде, всё делал сам: брал еду палочками, наливал вино, черпал суп. Ведь он-то точно не был главным гостем за этим столом.

Однако его сосредоточенное, скромное и уважительное отношение к трапезе лишь

подчеркнуло, насколько непристойно ведут себя двое «уважаемых» чиновников!

— Вон отсюда! — вдруг рявкнул уездный начальник.

Одна из служанок снова, наливая вино, «случайно» прижалась к нему — и это стало последней каплей.

— Вон!

Всё дело в том, что господин Чжан всё пристальнее и пристальнее смотрел на него с явной насмешкой.

Бедные девушки остолбенели — не веря своим ушам.

Но приказ был недвусмысленный: «вон» — значит, вон.

Терпение уездного начальника иссякло. На самом деле он вовсе не был склонен к разврату и никогда не обращал внимания на красоту служанок в доме. Просто его жена, обычно такая сообразительная, в делах, касающихся шурина, теряла голову.

И вот результат — глупейший ход!

Разве сейчас подходящее время для подобных «уловок»?

Кто в здравом уме станет использовать соблазнительных служанок в такой момент?

Этот поступок лишь опустил его в глазах собеседника.

Девушки поспешно исчезли. Вместо них вошли две старшие служанки — совсем другого склада. На головах у них аккуратно заплетены две косы, сверху уложены в строгие «двойные пучки» (швангъяцзи). Одеты в такие же простые, но опрятные одежды, без всяких духов, с чистыми, неокрашенными ногтями.

Они не выделяли никого: равномерно разносили блюда и убрали со стола — и Вэнь Жунь тоже получил свою долю внимания и обслуживания.

Честно говоря, Вэнь Жунь никогда не бывал в гостях у знатных семей. Его прежнее «я» хоть и обедало здесь однажды, но в большой компании, где никто никого не обслуживал.

Да и тот обед был скорее формальностью: как на современных деловых коктейлях — еда там минимальна, вино льётся рекой, а главное — не еда, а общение, установление связей и

выслушивание наставлений.

Уездный начальник даже хотел было заговорить с Вэнь Жунем, но тот строго следовал древнему правилу: «за едой не говори, перед сном не болтай». Он спокойно и с удовольствием поел, и, достигнув состояния «восьми долей сытости» (ба фэнь бао), положил палочки — больше не ел.

После трапезы Вэнь Жунь сам предложил откланяться. Он прекрасно понимал: пока он здесь, он — как начинка в бутерброде между двумя влиятельными фигурами.

«Из тридцати шести стратегий лучшая — уйти», — подумал он.

С этими чиновниками он играть не станет.

Он вежливо попросил разрешения удалиться...

Хотя взгляды обоих «господ» при этом стали немного странными.

П.п.: эх, вот и кончились такие приятные, небольшие главы, объем работы внезапно вырос в два раза...

<http://bllate.org/book/15642/1398047>